

Владимир Иванович Даль

Фокусник

Владимир Иванович Даль

Фокусник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22120994

Аннотация

«– А мой драгоценный! Вот встреча, истинный подарок, право! Куда путешествуете?»

– Да я просто вышел поклоняться немного. – Так зайдемте же ко мне. Не откажите хоть теперь, вас поймать нелегко. Вы, если не ошибаюсь, даже не были у меня в нынешнем жилище моем, не видели ларов моих и пенатов, как говаривали поэты наши, лет двадцать или тридцать. А помните ли вы это время? Да где вам! Вы уж составляете другое поколение, вы молодец в сравнении, с нами, старичками... а согласитесь, пора была замечательная во многих отношениях. Сколько проснулось тут юных сил! Сколько воспрянуло истинно родных чувств, горячих, благородных...»

Содержание

Владимир Даль

Фокусник

– А мой драгоценный! Вот встреча, истинный подарок, право! Куда путешествуете?

– Да я просто вышел послоняться немного. – Так зайдите же ко мне. Не откажите хоть теперь, вас поймать нелегко. Вы, если не ошибаюсь, даже не были у меня в нынешнем жилище моем, не видели ларов моих и пенатов, как говаривали поэты наши, лет двадцать или тридцать¹. А помните ли вы это время? Да где вам! Вы уж составляете другое поколение, вы молодец в сравнении, с нами, старичками... а согласитесь, пора была замечательная во многих отношениях. Сколько проснулось тут юных сил! Сколько воспрянуло истинно родных чувств, горячих, благородных... И где же это все? Все опошлилось, все замерло в самом зачатии, снаружи не дозрело, а в середине уж загнило... Знаете ли, сколько есть замечательных анекдотов того времени, которое я помню еще, будто все это случилось вчера или третьего дня?.. Ну, замолчу, однако, во-первых, потому что об этом нехорошо говорить вообще, в особенности же после обеда, когда еще пищеварение не кончено, во-вторых, и потому, что об

---

¹ ...ларов моих и пенатов, как говаривали поэты наши, лет двадцать или тридцать. – Здесь имеется в виду стихотворение К. Н. Батюшкова «Мои пенаты» (опубл. в 1814).

этом неловко говорить на улице, а в-третьих, наконец, потому что помню предостерегательный для нашего брата-говоруна анекдот, известный под заголовком: *Еще один казак остался...* Вы, конечно, его знаете?

– Нет, виноват, не знаю.

А между тем мы продолжали прогулку свою, причем правая рука моя ущемлена была локтем приятного собеседника.

– Так послушайте: у нас был – когда я еще носил военный мундир и, как говорится, не раз за отечество жизнь терял – был некто майор Посконный, человек, впрочем, почтенный, даже храбрый офицер, но самый несносный из всех говорунов и рассказчиков в мире. Вот он после похода двенадцатого года, бывало, засекал до смерти несчастных слушателей бесконечными повествованиями о событиях, которых был свидетелем. Надобно вам сказать, что человек этот никогда не врал, но правда его была хуже всякой лжи, потому что ей никогда не было конца. Любимым рассказом его была переправа войск наших через Рейн. Поймав однажды слушателя, разумеется, за пуговицу, которому не было никакой возможности дослушать все это до конца, потому что ему необходимо было поспешить в другое место, где его давно ожидали, поймав этого несчастного, майор Посконный продержал его за пуговицу не более каких-нибудь двух часов, переправляя войска с большою осторожностью батальон по батальону и эскадрон по эскадрону, и, наконец, благодаря богу, переправил их благополучно. Нетерпеливый слуша-

тель, порывавшийся во все время в тоске на простор, обрадовался этому – как я теперь этой встрече с вами – и, вздохнув, сказал: «Ну, и слава богу, теперь все», – а сам ухватился было за шапку, но майор спокойно отвечал, не выпуская, Впрочем, пуговицы из рук: «Нет, позвольте, еще один казак остался...» И с этого остального казака завязывалась рацея, которую, бывало, не переслушаешь с утра до полуночи. Так вот, я говорю, уроки нашему брату! Ну, а вы как поживаете?

Между тем мы дошли до его квартиры. Я слышал об отделке ее, о том, что она устроена на английский манер в трех ярусах дома с теплой и красивой лестницей посередине. При всем том я с трудом верил глазам своим и не постигал чудес, которые видел. Человек без всякого состояния, без капиталов, без имени, без всяких доходов, жил всегда, сколько люди запомнят, и живет теперь великолепно, роскошно, проживая десятки тысяч в год. Ему надоела старая квартира не только потому, что она по отделке и убранству сделалась уже не совсем модною, но и потому, что несчастный хозяин около полугода употреблял всевозможные средства, чтоб избавиться от жильца, который никогда не платил за квартиру, а умел бог весть как занимать ее военным постоем, иной бы затруднился при таких обстоятельствах, но фокусник наш, напротив, извлек из этого еще значительную для себя пользу: он выбрал другую квартиру, гораздо шире и удобнее старой, в лучшей части столицы, отделал ее по-княжески, не щадя ничего, и перебрался. Как это сделалось, чем уплачены

расходы, непосильные даже для человека с состоянием, каким образом в течении тридцати лет, то есть со времени возмужалости своей, фокусник наш, живя постоянно в одном и том же городе, всегда находит такой запас новых и свежих дураков, готовых для него разориться, – все это тайна его, как были свои непроницаемые тайны у знаменитого Пинетти² и его собратий.

У входа с крыльца в переднюю на половину барина я заметил вставленное в двери на высоте человеческого роста стеклышко. Необыкновенное устройство это обратило на себя внимание. Заметив это, хозяин спросил: «Что вы смотрите? А, это... Это так, для удобства, для предварительного знакомства с посетителем. Ужасно много мошенников всякого рода шатается теперь по городу». Я уже слышал прежде, что вследствие такого предварительного знакомства с посетителем иному предоставлялось оборвать колокольчик, но дверь для него не отворялась. Мы вошли в первую комнату этой половины: палевые, шелковые обои с белыми разводами, мебель ореховая, резная, новейшего вкуса, занавесы над окнами и дверьми ярко-желтого штофа³ с малиновым прибором⁴, люстры и канделябры прямо из Парижа, картины не одинакового, но и не последнего достоинства, о которых

---

² *Пинетти* (ок. 1750 – ок. 1803) – знаменитый фокусник, гастролировавший в свое время в России (сценический псевдоним: Ж.-Ж. де Вильдаль).

³ *Штоф* – тяжелая ткань для портьер.

⁴ ...с малиновым прибором... – то есть с отливом.

рассказы и пояснения словоохотливого хозяина могут только разве поспорить с великолепием и изяществом замечательных по красоте своей рамок. Я был истинно изумлен, постоянно думая о том, что тут нет ни одной нитки, за которую были бы заплачены деньги. Мы прошли еще две комнаты, заглянули в боковую, уборную, и вошли в кабинет. Уборная эта самая важная и таинственная комната в доме, которая всегда показывалась только поверхностно, истинное же достоинство и назначение ее хозяин оставлял для посетителей под спудом, но молва – этот злодей всех тайн людских и тайников – знала все и рассказывала вот что: когда прорывался в переднюю докучливый и грозный посетитель, для которого хозяина раз навсегда не было дома, то он в один прыжок спасался в уборную, замыкал ее изнутри, вынимал ключ и спокойно ждал развязки. Для этого, во-первых, в уборную было двое дверей: одна, явная, из гостиной, и если посетитель требовал впустить его туда, то объявлялось, что барин, выходя со двора, ключ от уборной всегда уносит с собой, другая же, потайная, подлицо с шпалерами и с другими затеями, вела туда прямо из кабинета. Во-вторых, не только в уборной, но и во всех комнатах была принята особенная предосторожность, чтоб нельзя было пустить соглядатая в замочную щелку: все дверные замки были завешены небольшими ковриками прекрасной работы. В-третьих, не только великолепный умывальный шкаф, стоявший в уборной, мог служить в случае крайности довольно сносным помещением

для хозяина, но из уборной же вела дверь, скрытая в подобию шкафа прямо на черную лестницу, где насупротив жил сапожник, большой приятель нашего милого хозяина, потому что этот, как лиса, никогда не промышлял по соседству с жилищем своим и у сапожника обуви не заказывал. Если б нужно было сделать о фокуснике по законам нашим по-вальный обыск, то все отзывы о нем – кроме разве только отзыва хозяина дома – были бы в его пользу, потому что он раз навсегда жил со всеми соседями в ладах и умел всякого на первых порах обворожить и расположить в свою пользу. К этому-то сапожнику спасся наш фокусник между прочим, как гласит молва, когда какой-то отчаянный заимодавец хотел прибегнуть к крайней степени преступного самоуправства и ворвался в жилище фокусника, несмотря на все предосторожности хозяина, с нарочно купленную для этого случая надежную камышовую тростью.

Кабинет в самом деле озадачил меня, и я готов признать его кабинетом редкостей, художества, ремесл и промыслов – словом, чем угодно. Гуськам⁵ и кронштейнам со статушками лучшей работы не было конца, книгам, картинам и счету нет, а куда ни обратишься, на что ни взглянешь – все привлекает внимание то блеском, то вкусом, то странностью, то удобством и уютностью...

Я стоял и изумлялся, между тем как хозяин занимал ме-

---

⁵ *Гусек* (в архитектуре) – приспособление, используемое как своеобразный пьедестал.

ня очень приятно, без умолку. Признаюсь, я слушал только краем уха. Я думал тогда про себя: «Если б я был в таком положении, в каком находился хозяин за несколько месяцев, что бы я стал делать? Если б, то есть, я задолжал во все лавочки, лавки, магазины, лабазы, подвалы, винные погреба, портерные, ликерные и штофные, всем сапожникам, портным, обойщикам, столярам, даже полотерам, задолжал десятки тысяч, то есть гораздо более, чем у меня, вероятно, во всю остальную жизнь мою будет в руках наличными... Если б, сверх того, я забрал у всех добрых приятелей, у кого сто, у кого тысячу, у кого, наконец, пять или десять рублей, да у ростовщиков, курьеров, вольноотпущенных, крещеных жидов и армян по двадцати и двадцати пяти со ста, также десятки тысяч, если б к этому со всех сторон поступали на меня взыскания, полиция ходила описывать и опечатывать гуськи, картины и кронштейны мои, отчаянные займодавцы, скрежеща зубами, гонялись за мною с палками... а хозяин выживал бы меня чрез полицию на улицу, и мне потому только осталась бы для преклонения главы от непогоды моя бывшая передняя, что полиция же обязала хозяина дома подпиской хранить вошедшие в опись вещи мои, запечатав, впрочем, все комнаты, между тем, как я же был обязан подпиской отвечать за целостность печатей... спрашиваю: „Что бы я стал делать в таком положении?..“ Холод пробежал по мне от головы до пяток и встряхнул все мои члены... Люди находят один только выход из этой пропасти – пулю в лоб!.. Я опять,

снова очнувшись, оглянулся вокруг и не мог не сознаться внутренне, что фокусник умнее нас: он перешел из описанного мною положения непосредственно в настоящее... Каким образом? Это его тайна».

Звонок заставил меня опомниться и оглянуться. Хозяин не показал в движениях своих никакого участия к этому ничтожному событию или старался не показать его; но природа ему изменила: лицо его приняло выражение человека, сосредоточившего всё внимание свое, все напряженные умственные силы на один предмет, и в то же время он очень ловко, будто случайно, понизил голос, и стал продолжать разговор очень тихо, прислушиваясь чутким ухом своим к тому, что происходило в передней. Я уже прежде слышал, что если посетитель фокусника принадлежал не к числу желанных и притом как-нибудь прорывался, несмотря на все отказы и запреты часового, то этот подавал условленный знак, задерживая между тем посетителя по возможности громким провозглашением в зале слов: «Да я же вам говорю, сударь, что их нет у себя....» И тогда хозяин поспешно скрывался через потайную дверь либо к другу своему, сапожнику, уверяя его, что с особенным удовольствием наблюдает, как тачают голенища или протарачивают рант. С нетерпением ожидал я подобного явления, но вышло совсем иное, хозяин вдруг принял прежнюю, непринужденную и неозабоченную складку свою, опять возвысил голос и встретил очень приветливо и снисходительно молодого человека, который с ним раскла-

нивался. «Ничего, ничего, все равно», – отвечал любезный хозяин на извинения художника, опоздавшего несколькими днями против обещания своего и представлявшего теперь заказанную картину на суд знатока и своего патрона. Этот взглянул на картину, отнес ее подальше, опять приблизился, опять отставил, посмотрел в кулак и, с благодарным движением головы, будто невольно вырвавшимся у знатока, сказал: «Очень мило, очень мило, это талант». Помолчав немного, он продолжал: «Это вам истинно приносит много чести, молодой человек, очень много чести!»

– Вы не знакомы? – спросил он меня. – Это молодой художник NN. Вы, вероятно, слышали о нем, он подает большие надежды. Посмотрите, как это мило! Это, так сказать, моя мысль, моя задача, и посмотрите, как это прекрасно исполнено. Очень хорошо, – продолжал он, обращаясь к художнику. – Вам следует... Мы, кажется, условились за триста рублей?

– Двести рублей, – сказал художник робко и в небольшом недоумении, видимо сожалея, что ограничился такую скромною ценою, когда этот богач, пред которым он теперь стоит, даже не помнит хорошенько цены и, по-видимому, с такою же беззаботностью заплатил бы триста, как теперь платит двести.

– Да, виноват, извините, двести... Сейчас... Благодарю вас... Право, очень благодарен.

Он отошел к столу, пружина машинного ларца отозвалась

несколькими ударами вроде часов с репетицею, замок щелкнул, и хозяин явился опять перед нами, передавая художнику с благодарностью деньги...

Признаюсь, я не верил глазам своим и мысленно сам схватился за карман, мне казалось, что комедия эта не могла быть сыграна ни для кого, кроме меня недостойного, из чего бы и следовало заключить, что у хозяина есть какие-нибудь виды на меня... Но я в то же мгновение был поражен явлением, которое мог ожидать еще менее первого, фокусник только дал бедному художнику протянуть руку за деньгами, как вдруг быстро отдернул их, ударив себя другою рукою по лбу, назвал себя скотиной, извинился и продолжал:

– Боже мой! Как я рассеян, каким я под старость делаюсь забывчивым, не поверите, ей-богу! Вообразите: теперь только, отдавая вам должок свой, вот эти двести рублей, я вдруг вспомнил, что обещал... (он поспешно взглянул на часы). Ну да, слава богу, еще не опоздал, час только... Обещал сегодня непременно к двум часам отослать эти деньги.

Он позвонил, человек вошел, он подал ему деньги и сказал:

– Отослать сию же минуту эти двести рублей с Никифором к Ивану Павлычу – знаешь? Да сейчас же! Извините, любезнейший, – продолжал он, обратившись к художнику. – Завтра же ровно об эту пору вы получите свое, об этом не беспокойтесь: картина ваша у меня на глазах, и я не забуду... Завтра в час непременно, даже, пожалуй, в полдень, ровно

в полдень, я уже к одиннадцати часам буду при деньгах. Тогда я попрошу вас еще зайти ко мне: у меня есть еще другая мысль, которую вы, конечно, не откажетесь исполнить и исполните с таким же талантом, как эту, и, право, вам это вперед послужит на пользу!

Бедный художник до того был этим поражен, что покраснел до самых мочек ушей, раскланялся, ушел и распростился с деньгами своими навсегда: он их только понюхал. Вперед хозяина для него никогда более не было дома, а встречаясь с ним в обществе, он должен был выслушать несколько раз преловкий и презабавный рассказ фокусника о том, как он, фокусник, рассеян и как вот этот молодой человек спас его однажды, случайно, от неприятности не сдержать слово свое, напомнив таким-то именно образом о другом долге... «Вообразите, – говорил он, – и в ту самую минуту, когда я уже протянул руку, чтоб передать ему деньги, я вдруг вспомнил...» – и прочее. Все это бедный художник должен был выслушивать терпеливо, он не мог без слишком грубого нарушения всякого общественного приличия напомнить при этом случае, что другие двести рублей о сию пору еще не заплачены... А между тем, само собою разумеется, деньги возвратились в шкатулку хозяина, у которого и не бывало в доме слуги под названием Никифора, и самое имя Ивана Павловича сказано было наобум и придумано в ту критическую минуту, когда отдавалось загадочное поручение идти туда, неведомо куда, искать того, неведомо кого, отдать то-

му, неведомо кому...

Художник, как я сказал уже, ушел, и я довольно рассеянно продолжал слушать приятные рассказы моего любезного хозяина, но зато с истинным изумлением наблюдал все действия и движения его, уловки и непринужденные глубоко обдуманые приемы и рассматривал по временам все окружающие меня предметы. Чем больше я видел и слышал, тем более изумлялся. Кончив презабавный и просто рассказанный анекдот, хозяин отнял у меня без обиняков шляпу, позвонил и приказал подать завтрак. Я спокойно ожидал исполнения этого приказания, виноват, считая его за надувательство: я знал очень хорошо, что на фокусника, как выше упомянуто, вообще, по принятым им правилам, работали портные и сапожники самых отдаленных стран, что припасы также забирались сначала в дальних лавочках и магазинах, а в ближайших уже тогда только, когда счастье начинало изменять и вскоре предстояло переменить жилище, я знал, что люди его на этом основании бегали за каждой свечой и за куском мыла из Морской к Николе Морскому⁶, что и там кой-какие припасы добывались почти с бою, а большею частью не давалось ничего, но, к крайнему изумлению моему, через десять минут появился балык, икра, сельди в масле, маринованная форель, сыр двух родов, вино... Я попра-

---

⁶ ...из Морской к Николе Морскому... – Имеются в виду: Большая Морская (ныне ул. Герцена) или, что менее вероятно, Малая Морская (ныне ул. Гоголя). Никола Морской – Никольский собор (Площадь Коммунаров, 1).

вился на стуле и подумал решительно: «Пора бежать: это не к добру, тут непременно кроются какие-нибудь виды на меня, буду держать ухо востро». Заманчивая беседа продолжалась, и хозяин, вспомнив, что я играю на виолончели, пристал неотступно, чтоб назначить вечер и сыграть что-нибудь с супругой его, большой любительницей музыки и искусной пианисткой. Я старался замять разговор, не желая завязывать такого короткого знакомства и зная притом, что супруга фокусника играет вольно, не стесняясь ладом и мерой, почему и играть с нею вместе беда. Надобно также сказать, что у них бывали, несмотря на это, музыкальные вечера, на которых хозяйка пожинала рукоплескания, будучи сопровождаема скрипкой или виолончелью лучших здешних солистов. Виртуозов этих приглашали как на урок по двадцати пяти рублей ассигнациями за час с условием платить за десять уроков. Девять вечеров оканчивались благополучно, хозяйка старались обворожить скрипача своею светскою любезностью, но когда он приходил на десятый урок, то барыни не было дома, на следующей неделе случалось то же, там опять то же: не отказывают, не приказывают, а в урочный час нездорова либо нет дома. Между тем взят уже вместо скрипача виолончелист, и день переменен, заработав так же смычком своим двести двадцать пять рублей и натешив отборное общество, он приходит за десятым билетиком, положив и бумажник свой про запас в карман для получения денег, но господ дома нет. «Это неловко, – подумал он. – Я

временем своим дорожу и попрошу без обвиняков, чтоб час этот был зачтен в число уроков...» Проси, друг мой, было бы кого просить: тебе придется еще потерять много таких часов и много раз прогуляться даром, если ты не решишься похерить из своего прихода двухсот пятидесяти рублей и тем избавиться от лишних и вовсе бесполезных хлопот!

Расположив меня окончательно любезными шуточками в свою пользу, фокусник взял меня чуть не под мышку и, снабдив превосходной сигарой, повел прогуляться взад и вперед по комнате. Он искусно навел беседу на промышленное направление века, коснулся неминуемых злоупотреблений, из этого возникающих, отверг с негодованием и заклеил презрением недостойных сподвижников этого зла, изобразил яркими и теплыми красками всю пользу благомыслящего производителя и смышленного, оборотливого промышленника, смелого и оборотливого, но честного человека, требовал от него, кроме святой добросовестности и страстной любви к отечеству, также несколько гениальности, а затем объявил мне до времени в виде тайны, что он намерен основать товарищество особого рода – добродетельное, благотворительное, общепользное, обещающее, между прочим, ровно пятьдесят процентов ретивым членам своим. «Предприятие это, – продолжал он, – верное, оно рассчитано как дважды два, а между тем оно и довольно ново, и можно сказать даже беспримерно. Что ж! Пора же и нам указывать путь другим, не всё тянуться гуськом. Вот, извольте видеть, я хо-

чу основать дружное, тесное товарищество, которое мы назовем именно товариществом, а не компанией назло всем немцам, товарищество из весьма немногих избранных людей для образования на паях артели мирных маркитантов. Вам это покажется странным? Слушайте: всякому известны неудобство, затруднение, дороговизна, заботы и хлопоты по доставлению на дом необходимейших насущных потребностей: воды, дров и пищи. То некого послать в мясные, зеленые ряды и к хлебнику, то водовоз запил к празднику, то человек вас обманул, то мясник обвесил, то дворник надул – словом, об этом нечего и говорить, это аксиома. Ну, я предполагаю учредить артели за круговой порукой, как учреждены биржевые артели великим гениальным преобразователем России⁷, и артели эти будут не разносить, заметьте, а развозить по столице, доставляя на дом, все съестные припасы, воду и все пития. На всех улицах устроены будут особые кружки, в которые каждый хозяин опускает записку с поименованием нужного ему на следующий день, адреса будут печатаны и по этой записке с выставкой на ней счета в восемь часов утра все принесено будет на вашу кухню. А? Подумайте об этом удобстве! Все это развозиться будет в опрятных крытых рыдванах⁸ с гербом и девизом общества на боках, с девизом *честность и точность* – и вы расплачиваетесь тогда, когда кухарка ваша примет все счетом, мерою и весом...

---

⁷ ...великим гениальным преобразователем России... – Имеется в виду Петр I.

⁸ Рыдван – большая дорожная карета.

Вот обзор этого товарищества с подробными расчетами: видите, пятьдесят процентов чистого барыша – это верно, это цифры, факты, математика... Если вы хотите присоединиться...»

Звонок раздался сильнее обыкновенного и дважды сряду. фокусник поднял ушки на макушку, пронеслись громкие и смешанные звуки в передней, говор перешел в крик и явную брань... Я не успел оглянуться, как хозяина моего не стало: он исчез в моих глазах, как сквозь землю провалился, и крупные решительные шаги послышались в зале, а за ними громкое оправдание лакея: «Хоть сами извольте посмотреть, нет, вот и они пришли было дожидаться, да нет, видно, не скоро будет...»

Я ухватил шапку, прошел мимо какого-то усача с решительным выражением в лице, спустился бегом с лестницы и с какою-то чадной головой пришел домой...